

ВИЛЬМОНТ

НАШЛА СЕБЕ
БЛОНДИНА!

Заражайтесь оптимизмом ■ Екатерины Вильмонт

Екатерина Вильмонт
Нашла себе блондина!

«АСТ»

2003

Вильмонт Е. Н.

Нашла себе блондина! / Е. Н. Вильмонт — «АСТ», 2003

ISBN 978-5-17-053425-8

Еще раз о любви... О том восхитительном, всегда новом, радостном чувстве, которое дарит нам порой судьба, – новый роман Екатерины Вильмонт. Она – студентка, он – маститый сценарист. Она юна, впереди у нее целая жизнь. А у него – годы за плечами, опостылевшая семья и душевный кризис. Что их связывает? Зачем нужны им такие сложные, запутанные отношения? Только любовь сможет дать ответ, только время расставит все по своим местам...

ISBN 978-5-17-053425-8

© Вильмонт Е. Н., 2003

© АСТ, 2003

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	15
Часть вторая	22
Глава 1	22
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Екатерина Вильмонт

Нашла себе блондина!

Часть первая

Замуж хочу!

Глава 1

Танька

– Эх, знали бы вы, как я мечтала выйти замуж уже с четырех лет! Спросите, почему? Потому что бабка моя, когда я чего-то хотела, давала мне подзатыльник и ворчала: «Вот замуж выйдешь, тогда и будешь хотеть!» Так что сами понимаете! А когда подросла немного, то мечтала не просто выйти замуж, а непременно за геолога! Уж если не за дядю Яшу, то хоть за какого-нибудь! Потому что если было в жизни что-то хорошее, интересное, это всегда было связано с геологами. Я должна объяснить? Ладно, слушайте!

Я выросла в поселке со странным названием Кусьё-Александровский Горнозаводского района Пермской области, на реке Чусовой, на улице Углежжения. Знаете, что это такое? Там раньше жили углежоги. Правда, когда я родилась, никаких углежогов уже и в помине не было. Сам поселок стоял на одной стороне реки, а наша улица располагалась на другой. За ней начинался лес, в лесу даже медведи встречались, а уж грибов... Дома на улице Углежжения были деревенские, крепкие, с крытыми дворами, а поленницы складывали за воротами, никто дров не воровал, некому вроде... Да и домов – раз два и обчелся, некоторые и вовсе заколоченные стояли. Детей на улице двое было, я да Женька, на три года меня старше, он со мной водиться не желал, все норовил за речку, к большим ребятам бегать. Теперь-то, кое-что в жизни повидав, понимаю я, что убожество в поселке жуткое было – пятиэтажки сраные, пылюга, не то что на нашей улице, а тогда казалось: за речкой настоящая жизнь. Правда, бабка говорила: за речку пойдешь, я тебе такую трепку задам, до свадьбы не заживет... Рука у бабки тяжелая была и слово она свое всегда держала.

Вообще, бабка моя суровая была женщина, да и некогда ей было со мной лялькаться, на ней одной какое хозяйство держалось, люди просто диву давались! Две коровы, козы, куры, гуси, овцы, огород и даже пасека небольшая, а еще лошадь по кличке Жиган... И со всем этим бабка управлялась в одиночку. Родители мои на Север подались, за длинным рублем. Я с ранней весны до поздней осени одна гоняла по улице, домой только поесть забежала, а уж материлась, как последний забулдыга. Мне лет пять, наверное, было, когда приехали геологи, они один из двух наших домов, родителей моих, сняли. Вы спросите, мы богатые были? Нет, мы из кулаков... Бабка моя кулацкая дочка, с Украины они в Пермскую область как раскулаченные попали, а колхозов там, почитай, и не было, кругом одни лагеря... Ну, к тому времени, когда я родилась, лагерей уж поменьше стало, людям некоторое послабление вышло, вот бабка моя и завела хозяйство, душеньку свою кулацкую потешить, как папка мой говаривал.

Умела работать старуха, ничего не скажешь. Я тоже работать умею, только сельское хозяйство не по мне. Я в детстве мечтала геологом стать, да вот жизнь по-другому распорядилась. Так о чем это я? Ах да, о геологах... Приехала к нам в поселок геологическая партия из Москвы. Наверное, к нам и раньше геологи приезжали, только я-то не помню. Было их человек десять, наверное, да, точно, семь мужиков и три женщины. Вот говорят, любви все возрасты покорны. Точно! Уж на что я сопливка была, а сразу влюбилась! В главного ихнего,

дядю Яшу... Начальник партии, так он назывался. Он красивый был, или мне казалось? Но таких я раньше никогда не видела. Волосы черные, борода темно-рыжая, а глаза голубые! И разговаривал он негромко так, даже ругался, не повышая голоса, даже матерился. У него это красиво получалось.

Только он на меня внимания не обращал почти, так, иногда, мимоходом, по голове погладит или конфетку сунет, и все. А вот шофера больше всех со мной возились, как сейчас помню, одного Толькой звали, другого Витькой. Хорошие парни были, добрые. Женщины мной куда меньше занимались. Одна, повариха, целый день крутилась, ей некогда было, другая, пожилая, профессорша, все книжки читала, а третья в маршруты ходила с мужиками. Хотя нет, там еще одна женщина была, ее тоже Таней звали, как меня. Неприятная, злая, все норовила пожаловаться на кого-нибудь дяде Яше. Ее не любили все, помню, я как-то на речке услышала, она одному из шоферов жаловалась на повариху: «Нет, ты подумай, целую кастрюлю макарон собакам скормила! Разве ж это нормально?» А Толька отвечает: «А чего? У нас уж с этих макарон сердце болит, а собакам все одно жрать надо!»

Я забыла, у них еще две собаки было. Одна нормальная, большая, уши торчком, хвост пушистый, а вторая... Я таких тогда ни разу еще не видела: черная, голая, морда узкая, с рыжими подпалинами, хвоста, считай, нету, так, обрубочек. Я этого пса боялась до ужаса, одна женщина на Углежжения все его чертякой звала, но он добрый вообще-то оказался. Марсом все его звали, как сейчас помню, а порода называлась «доберман», это я уж потом, когда в городе жила, узнала.

Геологи все на целый день в маршрут уходили, в доме только шофера оставались да повариха, ну и профессорша. Повариха тоже городская была, они с профессоршей целыми часами, бывало, разговаривали – и все о непонятном. А шофера от скуки со мной возились, мыли меня – я чумазая вечно бегала, бабке-то некогда, – причесывали, а Витька мне книжки с картинками показывал, картинки, правда, все какие-то некрасивые. А один раз дядя Яша с Толькой куда-то на газике уехали, два дня их не было, а когда вернулись, дядя Яша мне целый кулек конфет привез и несколько книжек, настоящих, детских, с красивыми картинками, а Толька – заколочки для волос с божьими коровками... Вот радости было! Тогда я дядю Яшу еще больше полюбила...

Это какой же год был, наверное, семьдесят третий... Я знаете, как его любила? Я при нем раздетая ходить стеснялась, а вообще по улице в одних трусах гоняла, материться тоже стеснялась, он мне один раз сказал: «Таня, нехорошо, когда девочка так ругается, неприлично это, понимаешь? Ты уже большая, красивая, а рот откроешь, уши заткнуть хочется! Обещай, что больше не будешь». А я и не понимала, что ругаюсь, у нас на Углежжения почти все так говорили, а уж Женька и вовсе. Бабка, правда, когда слышала, подзатыльник давала, но ей же все некогда было, а когда дядя Яша сказал, что нехорошо это, я стала задумываться, не хотелось мне его огорчать... Но ведь еще поди разберись, какое слово ругательное, а какое нет, но мне шофера объяснили. Они, правда, и сами через слово матюгались, но при мне стесняться начали. Одним словом, мы друг на друга положительно влияли, понимаете?

А еще профессорша там любовь с Толькой крутила, хотя, наверное, в матери ему годилась. Он хороший был, красивый, ласковый... Я один раз их вечером в огороде застала, прям между грядками, за этим самым делом. Но я не удивилась, я это сколько раз у скотины видела, но все ж таки профессорша, важная такая, между грядками с шофером... Малая была, а прочухала, что лучше не смотреть, когда люди... И никому про это не сказала. А один раз видела, как повариха с Витькой в лес пошли, и так спешили, так спешили... Я сразу просекла, зачем идут, ясно, не за грибами, корзину не взяли, а одеялко старенькое прихватили... Вот такие были мои университеты! – засмеялась Таня, красивая, холеная женщина лет тридцати пяти.

Мы познакомились накануне в автобусе, который вез нас из аэропорта в Анталии к отелю. Я приехала в Турцию отдохнуть после очередной книги, она тоже была одна, и мы сразу про-

никлись друг к другу симпатией, несмотря на большую разницу в возрасте. Я сразу почувствовала, что Тане необходимо кому-то рассказать свою историю, хотя она ничего пока не знала о моей профессии.

Сколько раз я сталкивалась с тем, что женщины, узнав, что я пишу книги, загорались желанием поведать писательнице о своей жизни. «Вот я вам расскажу про себя, целый роман получится!» – говорили они. Но далеко не из всякой, даже насыщенной трагедиями жизни может получиться роман, по крайней мере, у меня. И я чувствую это почти сразу. Но тут я мгновенно наострила уши, а уж когда услышала про университеты маленькой Таньки из поселка Кусьё-Александровский, у меня и вовсе дух захватило, особенно учитывая ее внешность успешной бизнес-леди или жены предпринимателя.

Дело в том, что это я была той самой поварихой, что уходила в лес с шофером Витькой, и прекрасно помнила маленькую матерщинницу, но не подозревала о любви этой девчонки к начальнику нашей партии, моему старому другу Яше, который уже много лет живет в Израиле... Чудны дела твои, Господи! Но я не стала ничего говорить, я затаилась в ожидании интересного рассказа, ведь если даже сама история Таньки не разбудит мое профессиональное воображение, то какие-то детали, словечки, ситуации могут сослужить хорошую службу. Иной раз одно слово может оказаться толчком к написанию романа...

Я прекрасно знала всех персонажей и прекрасно помнила улицу Углежжения, крепкий дом Танькиной бабки, саму бабку и ее шанежки с черемухой, и собак, одна из которых была моя, та «нормальная, с ушами торчком». Вторая принадлежала Яше, мы с ним и познакомились на «собачьей почве», выгуливая наших псов на Екатерининском бульваре в центре Москвы, и до сих пор дружим, несмотря на разделяющее нас расстояние...

Но говорить об этом Тане я пока не считала нужным, мне хотелось услышать ее историю, так сказать, в незамутненном виде.

– А что же дальше?

– Дальше? Дальше уехали в конце сентября геологи, стало холодно, скучно, я целыми днями слонялась по улице и все тосковала по дяде Яше. Книжки, которые он подарил, до дыр зачитала, хотя нет, я тогда еще читать не умела... Это на другой год дядя Яша жену свою с сыном в экспедицию взял. Ох, как я расстроилась сначала! А потом ничего, привыкла, и жена дяди Яши, тетя Ира, научила меня читать. Она хорошая была, даже платьев мне из Москвы привезла и потом еще сарафанчик сшила, говорила, что в шесть лет уже нельзя голой бегать.

А в партии у дяди Яши все другие люди были. И повариха, и шофера... Эти почему-то на меня внимания не обращали, целыми днями, помню, в карты резались... А тетя Настя, новая повариха, пожилая женщина, все норовила меня к чистке грибов приспособить, но куда там, я это ненавидела! Грибов море было, она не справлялась, бабке даже жаловалась... А я нарочно тогда палец порезала, кровиха хлестала, я редела, все на тетю Настю кричали, разве можно ребенку нож давать... Короче, никто больше меня не заставлял грибы чистить, но я с тех пор поняла – иногда, чтобы поставить на своем, надо и пострадать, и приврать, и притвориться... Ох, да что я вам все про ерунду рассказываю... Хотя, не ерунда это, а первая любовь. Я всегда говорю: моя первая любовь – дядя Яша...

А еще, помню, в дождливые дни, когда геологи в маршруты не ходили, они сидели в горнице за столом и разбирали образцы, камешки какие-то, раковины, а названия у них мудреные, и не выговоришь, а еще красивые слова были: «силур», «девон»! Помню, я спросила у дяди Славы, геолога, что такое «силур», он что-то начал объяснять про третью снизу систему палеозойской эры... А дядя Яша так мягко ему сказал: «Славка, это ж ребенок, мать твою, что ты ей лекцию читаешь? Таня, когда вырастешь, можешь стать геологом, а пока не забивай себе голову всякой чепухой, лучше книжки читай, научишься хорошо читать, сама все узнаешь и про „силур“, и про „девон“! Знаете, как на меня действовало? Я в три дня читать научилась, а раньше отлынивала, тетя Ира уж на меня рукой было махнула, а тут только диву давалась...

Я такая, если чего захочу, если засвербит у меня, всего добьюсь, но только надо, чтоб мне интересно стало, понимаете?

– И что ж вы, в три дня читать научились и сразу кинулись узнавать, что такое силур?

– Да нет, я как научилась читать, про все забыла, от детских книжек оторваться не могла, особенно мне «Чук и Гек» нравились, ведь у них папа геолог был. А еще Павлик, сын дяди Яши, со мной арифметикой занимался и говорил, что я способная, все схватываю на лету. Это правда, я тогда все на лету схватывала – и хорошее, и плохое. Помню, Женька однажды меня подбил у тети Насти масла сливочного стырить и сгущенки... У него в лесу шалаш был, вот я туда и принесла и масло, и сгущенку, а Женька две буханки хлеба притаранил. Мы с ним так объелись, что еле до Углежжения доползли, а там уж меня бабка поджидала, да с хворостиной, которой гусей гоняла. Ох, и досталось мне, всю попу отбила, да это бы еще полбеды, хуже, что, отметелив, бабка за ухо отволокла меня к тете Насте и заставила на коленях прощения просить. Если б еще просто так, а то на коленях, этого я уж стерпеть не могла, так выла, так орала, а бабка мне еще всыпала, тетя Настя уж стала сама за меня просить, но бабка моя, кремь-старуха, ни в какую. «Умела воровать, умей и покаяться!» Уж не знаю, сколько б эта экзекуция продолжалась, но на мои вопли дядя Яша пришел и отбил меня у бабки. Сказал:

– Хватит, Авдотья Семеновна, она уже все поняла, а будете ее так лупить, она только озлобится. Таня, скажи, воровать больше не будешь?

– Да что ты, Яков Моисеевич, драть надо так, чтоб на всю жизнь запомнила, чтоб неповадно было на чужое зариться... – возражала бабка, а я уж только тихо всхлипывала и еще больше любила дядю Яшу! Но урок бабкин и вправду запомнила. Много чего я в жизни делала, но воровать – ни-ни. Хотя иной раз так и подмывало... И знала, никто не хватится, не заметит, а вот не могла, все думала, как дядя Яша на это бы посмотрел... Ой, я, наверное, уж вам до смерти надоела, и что меня на воспоминания потянуло? Вы извините...

– Да нет, Таня, мне правда интересно. Я вот смотрю на вас и думаю, как из той девчонки такая дама получилась?

– Дама? – искренне рассмеялась Таня. – Какая ж я дама? Дамы по-другому живут, очень уж жизнь у меня не дамская – и происхождение, и воспитание.

– А дамы, по-вашему, какими должны быть?

– Фиг их знает, но уж точно не такими, как я. Бабки из бабы даму не делают. Но я плевать на это хотела! А хорошо здесь, правда?

– Очень!

– Вы завтра на море пойдете?

– Обязательно, для того и приехала, я море очень люблю.

– Я тоже. Может, если я вам не надоела, вместе пойдём, а то одной скучно. У меня, правда, книжка с собой есть... Но лучше поговорить с хорошим человеком. А что это вы все меня слушаете, а сами помалкиваете, вам ведь тоже небось есть что рассказать...

Утром я завтракала на свежем воздухе и с наслаждением наблюдала за очаровательной, совершенно белой кошкой, что сама с собой играла на красивой, залитой ласковым октябрьским солнышком полянке возле моего столика.

– С добрым утром! – приветствовала меня Таня, держа в руках тарелку с булочками и чашку кофе. – К вам можно?

– Конечно! – обрадовалась я. Питаться одной было тоскливо.

– Тут такая классная выпечка! А вы, я смотрю, не едите... Фигуру бережете?

– Разве вы не видите, что мне нечего беречь? – засмеялась я. – Просто не люблю.

– Надо же! А я обожаю! Как спалось?

– На удивление хорошо. Открыла окно и балкон и спала без задних ног.

– А я не очень... Что-то меня разбередил наш вчерашний разговор, многое вспомнилось...

– Расскажите?

– А вам и вправду не надоело меня слушать?

– Ни чуточки. Разве есть для женщин что-нибудь интереснее очередной истории Золушки?

– Золушки? – страшно удивилась Таня. – Да разве ж я Золушка? Ничего общего! Золушке все фея обеспечила, а у меня феи не было, я сама себе феей была, а заодно и злой колдуньей, как говорится, то и это в одном флаконе, а поскольку флакон с виду вполне приглядный, то и на отсутствие принцев вроде не жаловалась, хотя какие там принцы, сволота одна... Но все равно, свой принц у меня был... Дядя Яша...

Как интересно, подумала я, неужто у Яшки был-таки роман с этой девушкой, но когда ж он успел? Хотя он многое успевал, мой друг Яша. Это ведь только в мечтах маленькой девочки он был образцом всех доблестей и добродетелей, а на деле... Нет, человек он золотой, но с вздорным характером и в молодости был жутким бабником, теперь, правда, укатали Сивку крутые горки. Но одно в нем поражало – невероятное обаяние. Ему покорялись практически все женские сердца, независимо от возраста, как говорится, и стар и мал... Но чувства эти были странные, неглубокие, сродни умилению, что ли, а тут такая великая страсть...

– Вы давно его видели? – осторожно спросила я.

– А с тех пор и не видела больше... Но все равно...

– Так это всего лишь детская любовь?

– Да почему детская? Просто любовь!

– Так почему ж вы его не разыскали?

– Я разыскала, только поздно...

– Почему?

– А он уехал в Южную Африку и уж не возвращался. Знаете, как я его искала? Я ведь даже фамилии его не знала... А когда выросла и решила, что теперь можно его найти, землю с небом свела, и нашла, и заявила прямо к нему домой, а там только тетя Ира. Она мне и сказала, что он уехал в Африку, а Павлик в Америку... И сама тетя Ира собиралась квартиру продать и уехать к дяде Яше в Африку. Уж как я тогда расстроилась, а потом опомнилась и сказала себе: Африка тоже на этой земле, припечет – найду и в Африке...

– Не припекло? – улыбнулась я.

– Сколько раз припекало... Но не до того было, а потом я вдруг поняла – ну найду я его на краю света, а он уж старый и видал он меня в гробу в белых тапочках. На фиг я ему сдалась? Он небось и не помнит, что была на свете такая Танька... И представила я, что он старый, лысый, толстый или седенький, усохший, а я ведь того дядю Яшу любила, с черными волосами и рыжей бородой...

Меня так и подмывало сказать ей, что он не седой и не лысый, разве что немножко расплнел да глаза потухли, но не совсем, иногда, ненадолго, они еще загораются прежним хулиганским блеском... Но я промолчала, кто знает, надо ли Тане все это знать? И я решила сперва выслушать ее рассказ, а уж потом...

– Ну вот, слушайте дальше. Уехали геологи, опять зима надвигалась, но теперь у меня были книжки. Я все подряд читала, по всей улице Углежжения ходила и клянчила. В одном доме было целых три книжки – «Капитал», «Василий Теркин» и брошюрка о разведении кроликов, как сейчас помню... Так я все прочитала, хоть и мало что поняла, правда, «Василий Теркин» мне здорово понравился, я его почти наизусть знала... Ну, еще кое-какие книжки нашлись, а потом одна женщина с нашей улицы, медсестра тетя Валя, стала мне книжки в библиотеке брать, все говорила бабке: «Тетя Дуня, надо Таньку учить, вон она еще в школу не ходит, а книжки прямо глотает!» А бабка головой качала и говорила: «Мое дело ее накормить

да сберечь, а учить пусть родители учат, малая она еще». А потом вдруг мамка моя приехала, гостинцев привезла, а сама из слез не выхлюпывается – папка от нее сбежал и невесть куда подался... Целыми днями они с бабкой что-то обсуждали, меня вон гнали, чтобы под ногами не путалась, а через неделю мамка мне объявила: уезжаем мы с тобой, Танька, в большой город жить...

И уехали мы в Воркуту. Ой, мамочки, как же мне там не понравилось! Вместо нашей улицы Углежжения, леса, речки, свободы, просторного деревянного дома – комнатенка в коммуналке, девять метров, соседи хмурые все какие-то, никто слова доброго не скажет, только шикают: не шуми, мол, веди себя тихо... А на дворе – полярная ночь, я все никак в толк взять не могла, почему за окнами все время темно... И по бабке я тосковала. Мамка сама на работу, а я в комнатенке сижу, в школу меня пока не брали. Одна радость – телевизор. У бабки телевизора не было, она его баловством считала, а еще мне там все время страшно было, особенно после того, как одного соседа нашего прямо возле дома убили. Я плакала, просилась обратно к бабке, а мать сердилась, правда, на лето обещала отвезти в Кусьё. Да видно не судьба... В начале весны бабка моя, Авдотья Семеновна, померла. В одночасье преставилась. Коров подоила, с полным подойником на крыльцо взошла – и все... Соседка видела, как она упала, молоко разлилось, подбежала к ней, а она уж не дышит... Матери сообщили, та повыла, покричала, потом подхватила и поехала туда. Вот тогда я в последний раз и была в Кусьё-Александровском, на улице Углежжения. Мать дома и всю скотину продала, да за гроши, никто особенно на нашу улицу не рвался, глупые люди, там так хорошо было, а воздух какой, а лес... Или мне это по малолетству казалось? Не знаю. Иной раз потянет меня туда съездить, поглядеть, да, честно сказать, боязно... Вдруг все не таким окажется. Пусть лучше останутся детские воспоминания, хорошие, ничего не скажу... А как я тогда горевала, но не по бабке, не по улице Углежжения, а оттого, что четко поняла – дядю Яшу больше не увижу! Помню, в последний день соседка, тетя Валя, та, что мне книжки из библиотеки носила, мамке говорит:

– Тома, не вози ты Таньку в эту Воркуту, глянь, какая она бледнющая стала, нечего там ребенку делать, тем более девка у тебя способная, читать умеет лучше взрослых некоторых. Да и ты сама на кого похожа? Езжай лучше куда-нибудь на Юг, всех денег не заработаешь, а девке полезнее будет и тебе тоже.

Мамка тогда задумалась, а тетя Валя и говорит:

– Тома, хочешь, оставь Таньку со мной, я ее не обижу, а ты устроишь свою жизнь, может, мужа найдешь, ты ж еще молодая!

Но мамка ни в какую!

– Нет, тетя Валя, хватит уж нам врозь жить, она ж мне дочура родная, вот пускай с матерью и живет. Кто лучше матери для ребенка?

– Тогда, Тома, дам я тебе адрес своей подружки, она в Бердянске живет, на Азовском море, климат там хороший, будет Танька в море купаться, на солнышке греться. А работу ты найдешь, там несколько заводов есть, подружка моя тебе на первых порах поможет, она хорошая женщина, мы с ней в медучилище вместе учились...

Но мать не захотела в Бердянск, у нее были другие планы. В Воркуту мы вернулись, но ненадолго. Мать уволилась с работы, собрала вещи, и мы уехали. В Москву! Моему восторгу не было предела, еще бы, ведь в Москве живет дядя Яша! Но разве я могла себе представить, какая она огромная, эта Москва! Сейчас я даже вообразить не могу, на что мать рассчитывала, собираясь туда? У нее там практически никого не было. Но ее это не пугало, или она виду не подавала...

Короче, в Москве она сняла комнатушку у старухи, сын которой работал с ней в Воркуте, он и дал адрес своей матери и записку написал к ней. Старуха странная оказалась, я таких прежде никогда не видывала. Вот она как раз была дама, из бывших. Звали ее Агния Васильевна, ее дед был жутко богатым купцом, отец известным музыкантом, а она сама тогда

вышла замуж за партийца из морячков, в тридцать седьмом году его посадили, ну и ее заодно, как тогда водилось, а сынишку в детдом отправили. Просидела она много лет, потом в ссылке жила, но ее сестра в свое время мальчонку сумела из детдома выдрать и сама воспитала, так что тетка ему роднее матери была. Потом она вернулась, комнату ей выхлопотали, они с сестрой съехались в двухкомнатную квартиру на улице Строителей, в красных домах, но сестра вскорости померла. А сын Агнии Васильевны почему-то жил в Воркуте, он там инженером на комбинате «Воркутауголь» работал.

Старуха вообще-то не хотела комнату сдавать, но, видно, не могла сыну перечить. Так мы у нее и поселились. Сейчас я понимаю, она неплохая была, а тогда до печенок меня достала, все хотела хорошие манеры привить... И как она по лагерям их не растеряла, эти манеры, даже странно. Один раз так мне надоела, что я ее по старой памяти матом послала, думала, она окочурится, но не тут-то было! Она, правда, побледнела, а потом как топнет ногой! Как сама меня трехэтажным матом обложит! И еще по морде съездила, правда, не больно.

– Если ты еще раз пасть свою грязную откроешь, я вам сразу от квартиры откажу! Довольно я в своей жизни грязи наслушалась и навидалась, чтобы еще в моем собственном доме эту грязь терпеть! И запомни, какую бы пакость ты ни сделала, я всегда сумею ответить и дать сдачи! Поняла?

И я поняла! Я все поняла! Больше никогда при ней рта не раскрывала, а еще поняла, что внутри она железная, потому и вынесла все, не сломалась. Больше у нас с ней проблем не было. Прожили мы у нее почти два года. Мать устроилась на завод «Калибр», работать она умела и вскоре вышла в передовики... А еще на нее глаз положил ихний какой-то профсоюзный деятель, и в результате ей дали комнату в коммунальной квартире, большую, светлую, а соседей всего двое было. С Агнией Васильевной как с родной прощались. Мне жалко было от нее уезжать, у нее в комнате столько всяких интересных штучек было... Ну и книг, конечно, много. Я ведь тем временем в школу пошла и хорошо училась, на одни пятерки, мать, знаете, как мной гордилась? Все приговаривала: «Дурак твой папка, шалается где-то по свету, а не знает, какая у него дочура растет».

Мы с ней неплохо жили, правда, к ней стал ходить тот профсоюзный деятель, который комнату выхлопотал... Если днем, в выходные, мне денег на кино давали и на мороженое, а если иногда на ночь оставался – ширму ставили. А за ширмой все равно слышно... Он так противно пыхтел, я все думала, как мать с ним может... По утрам она от меня глаза прятала, а я не осуждала, я жалела ее. Потом наша соседка, старушка, померла от воспаления легких и в ее комнату вселили новую жиличку, Милочка ее звали, Людмила Ивановна. Очень ей имя это шло – Милочка. Она такая милая была и по профессии, угадайте, кто? Ну, конечно, геолог! Ей было тогда лет тридцать пять, как мне сейчас. Худенькая, некрасивая, в очках, одевалась кое-как, но доброты была сказочной! Соседки, мать моя и тетя Зина, встретили ее не очень приветливо, помню, тетя Зина матери сказала:

– Ох, Тома, намучаемся мы с этой очкастой, неряха она, по всему видать, небось места общего пользования мыть не умеет, запаadlo ей. Видала, сколько книжек навезла? Такие, с книжками, они завсегда грязнули те еще!

Мать только скорбно кивала в знак согласия. Сама она чистоплотная была, каждую свободную минуту что-то скребла, чистила, крахмалила. Это, надо сказать, она не в бабку... Той не до чистоты было с ее хозяйством. Но и Милочка, надо заметить, оказалась тоже чистюлей. Зина хотела после ее уборки к чему-то придраться, но не смогла. А вскоре Милочка с матерью сдружились, и, когда материн профсоюзник на ночь оставался, она брала меня ночевать к себе. И очень меня любила. Стала книжки давать и даже в театр водила. Ох, как мне в театре понравилось! Первый раз мы «Аленький цветочек» смотрели. Я хлопала как бешеная, а когда все кончилось, разревелась. Милочка испугалась: ты чего, Таня, плачешь? А я реву белугой. И она все поняла без слов.

– Не плачь, мы с тобой еще в театр пойдем, не горюй, а захочешь, сама сможешь в театре работать, когда вырастешь!

И повела меня не домой, а в кафе-мороженое на улице Горького, которое называлось «Север». Я там первый раз в жизни ела мороженое из вазочки, вот сколько лет прошло, я это мороженое помню, оно было шоколадно-сливочное, не два шарика, а один большой двухцветный, жидким шоколадом политый да еще орешками присыпанный! Тут мои слезы высохли, так было вкусно! И полюбила я тогда Милочку на всю жизнь. Сколько проживу, буду ее помнить, много она мне хорошего сделала, только ее собственная жизнь была несчастливой и короткой. Погибла она в горах... Я по ней убивалась как по самой родной, даже когда мать моя померла, так не убивалась... Это она, Милочка, мне все про женский организм объяснила, поэтому я и не испугалась, когда месячные пришли, а то у нас в классе одна девочка с перепугу чуть руки на себя не наложила, в то время ведь не триндели на каждом шагу про прокладки и критические дни, тогда все этого стеснялись. И вообще, с Милочкой обо всем можно было говорить, все рассказать... Я ей и про дядю Яшу рассказала, хоть и понимала своим детским умишком, что это смешно. А она не смеялась, Я так надеялась, что она его знает, тоже ведь геолог, но... Она спросила фамилию, а что я могла сказать?

– Ничего, Таня, не огорчайся, я теперь буду всегда помнить, что нам нужен Яков Моисеевич, как услышу про такого, побегу на него смотреть, если увижу черные волосы и рыжую бороду, я его за эту бороду схвачу и к тебе приволоку. Вот только что ты с ним делать будешь, а?

И она меня поцеловала в лоб. А я, как сейчас помню, сказала:

– Нет, Мила, ты его за бороду не хватай, ты фамилию узнай, ладно? Ну и адрес, конечно. А я, когда большая стану, выучусь и пойду к нему в партию работать! Геологом!

Вот тут она расхохоталась:

– Ох, Татьяна, ты меня уморишь! Первый раз такое слышу! Но ты молодчина, у тебя правильные мечты. Геология – это прекрасно! Обычно девчонки о чем мечтают? Артистками стать. Вот, мол, вырасту, стану знаменитой артисткой, тогда он поймет... И неважно, кто он, взрослый ученый дядька или сопливый шкет из параллельного класса. Девчонки ведь думают, что артисткой быть сплошной праздник... А у тебя мечты конкретные, даже если ты и не будешь работать в партии у дяди Яши, все равно у тебя в руках будет отличная специальность, и я чем смогу, помогу тебе...

Два раза летом Милочка брала меня с собой в экспедицию, говорила всем, что я ее племянница. Мне лет десять было, а я сразу поняла, что Милочка влюбилась. В одного палеонтолога, он красивый был – прямо как в кино, волосы светлые, густые, глаза голубые, высокий, тонкий, но противный. Не то что дядя Яша. У того тоже голубые глаза, но у него они живые, а у того, Андрея, глаза были мертвые... Понимаете? Он на Милочку и не глядел, шастал по ночам в палатку к Леле, другой геологине, а Милочка страдала, и я его за это ненавидела. Она, правда, все скрывала, делала вид, что ей на него наплевать, вела дружеские беседы с Лелей, но... Они там, в партии, пили много, особенно в активированные дни. Знаете, что это такое? Когда дождь льет как из ведра, в маршрут не ходят, такой день считается активированным... Так вот, однажды в активированный день все уже к обеду лыка не вязали, и Милочка моя тоже назююкалась! Все разбрелись по своим палаткам, осталась только она да Андрей, и что-то разговорились они, я тоже там затаилась, но меня никто не замечал, уж не знаю, о чем у них разговор вышел, они тихо говорили, но вдруг Милочка взяла его руку и прижала к своей щеке, а этот скот руку вырвал и говорит:

– Запомни раз и навсегда – как женщина ты для меня не существуешь, заруби это на своем курносом носу!

– Андрей, зачем ты так? – заплакала Милочка.

– Затем, что я уж видеть не могу, как ты на меня облизываешься! С такими, как ты, только так и можно, ты же липучка, а липучку надо оттирать с мясом, поняла?

И он хотел выйти из палатки, но не тут-то было! Разве могла я стерпеть такое? Я как завизжу, как кинусь к нему, как вцеплюсь ему в волосы! Ух, и драла же я его! Он орал как резаный, но сбросить меня не мог. А я его и щипала, и била, и кусала, как бешеная псина! Милочка пыталась меня оттащить, но где там! Сбежалась вся партия и совместными усилиями оторвали меня. Но его репутация была погублена! Все поняли, что он кого-то сильно обидел, а может, знали его хорошо, но, короче говоря, начальник партии, пожилой дядечка Евгений Афанасьевич, увел меня к себе в палатку, налил мне каких-то капелек, заставил выпить, дал шоколадную конфету и сказал:

– Танечка, детка, что такое случилось? Я же понимаю, ты не с бухты-барухты на него накинулась. Расскажи.

Я молчу.

– Таня! Он тебя обидел? Или Людмилу? Да?

Знаете, как мне хотелось все ему рассказать, но я понимала – нельзя, не могла я ни одной душе рассказать о том унижении Милочки... Для меня это было непереносимо. Знаете, меня саму в жизни не раз унижали, но по-другому, не как женщину, понимаете? Вот ведь совсем писюшка была, а скумекала... И ничего ему не сказала. Но он, видно, догадался. Да и другие тоже. С Андреем все стали очень холодны, и он через три дня уехал... А я еще больше захотела стать геологом.

– Почему же не стали? – осторожно спросила я.

– А черт его знает, жизнь так сложилась... Да ладно, я вас и так уж своими рассказами умучила.

– Да нет, Таня, мне интересно.

– Ну, у нас времени еще вагон и маленькая тележка, а у меня уж в горле пересохло.

На другой день мы встретились опять за завтраком, встретились как старые добрые знакомые, но вид у Тани был какой-то хмурый и она все больше помалкивала.

– Вы себя плохо чувствуете? – спросила я.

– А что, заметно? Я очень страшная, да?

– Ну что вы, вы все равно красивая, только хмурая.

– Будешь хмурая, – вздохнула она.

– Что-то случилось?

– Случилось, но не будем об этом говорить, ладно?

– Как хотите, Таня. – Я вдруг почувствовала себя не в своей тарелке. Вчера она так откровенно все мне рассказывала, и я уж вообразила, что она и дальше будет откровенничать. Не скрою, мной двигало любопытство, лишь отчасти профессиональное, просто меня страшно увлекла невероятная встреча с маленькой матершинницей... Должна признаться, что именно этим она мне и запомнилась.

Я молча допила свой чай.

– Ну что ж, Танечка, я пойду, увидимся еще!

Она кивнула, но ничего не сказала. Вероятно, уже раскаивалась в том, что выложила столько совершенно незнакомому человеку. Такое бывает нередко. Но я уже знала, что обязательно напишу об этой женщине, пусть даже придется дать ей другое имя, другое место рождения и совсем другую судьбу. Впрочем, я ведь не знала, как сложилась ее взрослая жизнь, но это даже к лучшему, можно дать волю воображению... Что я знаю о ней, кроме истории детства? Обручального кольца она не носит, держится достаточно независимо, на мужчин ищущим взглядом не смотрит, правда, сейчас, в середине октября, молодых в отеле мало, в основном пожилые пары из России и Германии, и положить глаз, как говорится, не на кого, и все-таки... Вчера после обеда в баре я видела немолодую немку, она сидела одна у стойки и каждую мужскую особь окидывала столь недвусмысленно оценивающим взглядом, что я даже рассмеелась.

А в Тане интерес к этой стороне жизни совсем не заметен. Вероятно, у нее есть мужчина, занимающий все ее мысли, она женщина сильных страстей, судя по всему. Но, надеюсь, этот мужчина – не Яшка. Она мне нравилась, в ней было что-то настоящее. Если такая женщина приезжает в разгар осени совершенно одна отдохнуть в Турцию, не ищет мужского общества, с наслаждением рассказывает о себе незнакомой немолодой тетке, значит, она либо от кого-то или чего-то бежит, либо просто нуждается в передышке, именно не в отдыхе, а в передышке, поскольку такие женщины по определению не должны отдыхать в одиночку. Могла же она приехать, к примеру, с подругой, если уж не с мужем, любовником или другом, на худой конец.

Смешно, в наше время многие понятия так сместились, что иное слово приходится комментировать. Помню, много лет назад я что-то рассказывала одной немке и упомянула о каком-то своем друге, а поскольку разговор шел по-немецки, то я добавила, что это друг в нашем, российском понимании. То есть не любовник. Ибо в немецком слово «Freund» давно уже приобрело именно такой смысл. В последнее время и у нас, когда женщина говорит о ком-то «мой друг», ее уже могут понять превратно. Вообще, смещение значений бывает забавным. Много лет назад, занимаясь литературными переводами с немецкого, я наблюдала параллельные изменения в двух языках. Например, немецкий глагол «bumsen» раньше означал то же самое, что и русский глагол «трахнуть», то есть, как пишет Ожегов, «произвести какое-то быстрое неожиданное действие с шумом, треском. Трахнуть графин (разбить). Трахнуть по спине (ударить)». Что теперь означает это слово, знают все. И точно такое же превращение произошло со словом «bumsen».

Да, к чему это я? Зачем на отдыхе забивать себе голову подобной мурой? Надо бездумно наслаждаться солнцем, морем, беззаботной жизнью, разложить пасьянс, решить кроссворд, почитать что-нибудь... Правда, книги, взятые с собой, как-то не вдохновляли. Кажется, я скоро стану типичной героиней старого, еще советских времен, анекдота: «Чукча не читатель, чукча писатель!» Потому что в голове уже крутится мысль, как лучше начать роман, если героиней его будет такая женщина, как Таня. А какая она, разве я знаю? Но мне и не надо знать. Моя героиня будет жить по иной, своей собственной, логике, зачастую не зависящей даже от меня. И это, может быть, самое интересное в писательской профессии. Вот вернусь в Москву, сяду за свою машинку и начну: «Эх, знали бы вы, как я мечтала выйти замуж!»

Глава 2

Придумайте сами

Рядом с моим лежаком кто-то кашлянул. Я открыла глаза: Таня.

– Извините меня, – смущенно улыбаясь, проговорила она. – Я вела себя как последняя хамка! Простите! Два дня морочила вам голову своими рассказями, а потом вдруг замолчала в тряпочку... Вы не сердитесь?

– Да нет, Таня, я к вам не в претензии, всякие бывают настроения.

– А вот Милочка мне внушала, что нельзя свои настроения людям показывать, их это не касается.

– Таня, успокойтесь, я не в обиде.

– Вот и слава богу! – обрадовалась она. – Знаете, я всегда так – сперва из меня лица Углежжения прет, а уж потом я спохватываюсь и вспоминаю Милочкины уроки... Понимаете, мне вчера вечером один человек позвонил, я так этого звонка ждала, а он... Он сказал, что нам надо расстаться, вот я и психанула... Даже утопиться хотела. Но потом передумала, много чести, хотя, конечно, жизнь ему это бы отравило капитально! До самой могилки!

– Таня, ни один мужик не стоит вашей жизни!

– Вот и я так подумала. Пусть живет со своей шваброй, если она ему дороже меня... А вам правда интересно меня слушать? Странно даже... вы вон не очень молодая уже, у самой небось всякого в жизни хватало...

– Это правда, хватало всякого, и тем не менее...

– А вы мне потом про себя расскажете?

– Расскажу, почему же нет.

– Ладно, только про этого... я пока не хочу говорить.

– И не надо, лучше про Милочку расскажите.

– Эх, была бы Милочка жива, вся моя жизнь, наверное, по другому сложилась бы, хуже или лучше, не знаю, но по-другому – точно. Мать моя, когда разобралась, что Милочка ко мне как к родной относится, обрадовалась и спихнула меня на нее целиком. С мужиками стала путаться без зазрения совести. А чего ей? Я ж могу у Милочки ночевать, к той-то никто не ходил. Профсоюзник перестал появляться, зато другие не переводились, водку жрали... И мать с ними. Иной раз, бывало, придет домой трезвая, смотрит на меня как на незнакомую. «Дочура, как ты вымахала, совсем большая, надо б тебе пальтишко новое справиться...» Справляла. Заодно и туфли покупала, не могу сказать, что вовсе меня забросила, но одежкой вся ее забота и ограничивалась. А поговорить, поинтересоваться школьными делами – нет. Это все Милочка... Она иногда с такой любовью на меня смотрела. А один раз я подслушала ее разговор с Галей – была у нее подружка Галя. Вот эта Галя и говорит:

– Милка, что ты делаешь? Тебе бы свою жизнь устроить, ребенка родить, а ты чужую девчонку на себя взвалила и радуешься.

– Таня мне не чужая, она роднее многих родных. Она меня жалеет, и еще она во мне нуждается, а я ее просто люблю.

– Да она вырастет, хвостом вильнет – до свидания!

– Ну и что? А родные дети так не поступают разве? Только, наверное, когда ребенок родной, это обиднее, горше...

– Это правда, – подумав немного, согласилась Галя. – Но она ведь вовсе к тебе переселилась, какая у тебя в таких условиях может быть личная жизнь?

– Да нет у меня никакой личной жизни! Нет, понимаешь? А если ночью иной раз проснешься и в комнате кто-то дышит, так приятно бывает... А когда я с работы прихожу и Таня все мне вываливает, и про уроки, и про учителей, и про мальчиков, я чувствую себя

моложе, мне все это интересно, меня волнуют ее проблемы, и это здорово отвлекает от всяких дурацких мыслей.

– Ты небось и на родительские собрания ходишь?

– Естественно!

Галя только головой покачала, но в следующий раз пришла и подарила мне тонкие колготки, импортные! Я таких еще не носила, вот радости было... А на другое лето Милочка не смогла взять меня с собой в поле, они в Монголию поехали, и осталась я одна в ее комнате. Она мне, правда, много книг оставила, велела к ее возвращению все прочитать, а я их почти все за июнь проглотила. А потом мать меня в пионерлагерь отправила, на озеро Сенеж. Мне там не понравилось, скучно показалось, да еще девчонка одна меня гнобить вздумала. Лагерь был от фабрики какой-то, что ли, и я там чужая была, они все друг дружку давно знали, а я новенькая. Да еще ребята стали на меня внимание обращать, именно как на новенькую – я хорошенькая была, и титечки уже проклевываться начали, одним словом, понимаете... А раньше у них первой красотулей Нютка Карасева считалась. Вот она и начала по любому поводу надо мной измышляться. Я сперва хотела по-хорошему все уладить, как Милочка учила, но когда она окончательно достала, я так ее отдубасила, что ой-ой-ой, все меня зауважали, хоть и ненадолго – выперли меня из лагеря. А я и рада была. У меня с детства слово «лагерь» совсем другие ассоциации вызывало, хоть и малявка была, а понимала: лагерь – огороженная территория, где люди не живут, а выживают. И пионерский лагерь был для меня немногим лучше. Вот я слыхала, некоторые вспоминают свое пионерское детство в лагере прямо с восторгом, а я – терпеть не могу, ничего я там хорошего не видела. Мать, конечно, развопилась, мол, это все Милочкино влияние, она, Милочка, все выживает, не хочет быть как все и меня к тому же приучает, надо уметь жить в коллективе, и вообще, чему такая тарань сушеная научить может... Ну я послушала, а потом не стерпела:

– А ты-то сама чему научить можешь? С мужиками спать? Водку жрать?

Она опешила сначала, потом по морде мне съездила, потом разревелась, а потом с горя напилась... Вот такая жизнь. А через два года Милочка моя поехала на Памир и не вернулась. Царствие ей Небесное, золотая она была... А я с горя вдруг толстеть начала, да и возраст еще переходный, одним словом, разнесло меня, как на дрожжах. А я уж влюблена была в одного парня из одиннадцатого класса... И решила на диету сесть, только ничего мне не помогало, и я вовсе есть перестала. Только воду пила. Мать и не замечала ничего, у нее в то время одна задача была – Милочкину комнату заполучить. К счастью, ей это удалось, таким образом у меня теперь своя комната была. А уж съела я что-то или нет, не больно ее волновало. Я начала худеть, голодовка принесла плоды, но плоды горькие оказались, я, как говорится, разучилась есть. У меня началась анорексия, и я попала в больницу... Там доктор один был, довольно молодой еще и красивый, он все уговаривал меня. А я ни в какую, не хочу быть толстой – и точка. Меня уж и силой кормили, и уколы какие-то делали, ничего не помогало. И однажды доктор разозлился:

– Хочешь с голоду помереть? Помирай! Только не в больнице, мне это совсем ни к чему! А выписать тебя я пока права не имею! Так уж будь добра других девчонок не баламутить, некоторые из этих идиоток уже начинают есть, а глядя на тебя... Короче, если ты думаешь, что такие мощи хоть одному мужчине на свете нравятся, то ошибаешься! У тебя уже парень был? Ты спала с кем-нибудь? Нет? Если жрать не будешь, так и помрешь, не узнав ничего ни про любовь, ни про секс!

А я ему:

– Ну и подумаешь! Навидалась я этого сексу, спасибо, не хочу!

Он так и сел. Потом, видно, кое-что скумекал и говорит:

– Дура ты, Таня, хоть и навидалась сексу! Со стороны это и вправду противно, особенно если без любви, а вот когда любовь и не со стороны – совсем другое дело. Поверь мне, ничего

слаще в жизни нет, и чтобы это испытать, стоит и жить и есть... Вообще, пойми, дурья башка, в жизни много радостей и без осиной талии. А у тебя она будет, говорю тебе, только надо выздороветь, ты больна. У тебя было большое горе, стресс, гормональная система разрегулировалась, а ты ее голодухой еще расшатала и всю нервную систему в негодность привела. Знаешь, это тяжелая болезнь, которую надо лечить долго и упорно, но если будешь меня слушаться неукоснительно, обещаю: в будущем станешь настоящей красавицей. Только уж не дури...

Знаете, когда со мной разумно разговаривают, пусть даже называют при этом дурой, я не обижаюсь и принимаю разумные речи к сведению. Доктор слово сдержал. И я тоже – очень уж хотелось красавицей стать – поверила доктору. Долго я в больнице лежала, а больница, думаете, какая? Психушка самая натуральная, хоть и детская. Но ничего, вылечилась, в школу вернулась. Мальчишки все почему-то как с цепи сорвались, а девчонки, конечно, завидовали, и скоро вся школа узнала, что я в психушке была, даже первоклашки при виде меня язык показывали и пальцем у виска крутили... Я тогда школу бросила, две недели не ходила, а потом подумала – пускай говорят, что я психованная, меня не убудет, особенно если я хорошо учиться буду, лучше всех в классе. И точно, через два месяца все успокоилось, я стала лучшей ученицей, учителя меня в пример ставили, мальчишки только рты разевали, а я на них и не глядела, в доктора своего влюбилась... Угадайте, как его звали?

– Неужели Яша? – засмеялась я.

– Именно! Яков Сергеевич! Я к нему время от времени на прием ходила. Он мной гордился, один раз даже домой к себе позвал, а там у него жена, дочка маленькая, комнатки в квартире крохотные, теснота, с ними еще тещь с тещей жили, он дома совсем другой был, не такой как в больнице, там-то он царь и бог, а тут... И я его разлюбила. Теща на него орала при мне, а он только улыбался смущенно... Он мне там не понравился... Помните, в каком-то старом фильме героиня говорит: «Хороший ты мужик, но не орел!» Вот и Яков Сергеевич тоже оказался «не орел». А в шестнадцать лет мне нужен был орел! Только где его возьмешь? У нас в классе почти все девчонки уже с парнями спали, а мне даже подумать об этом тошно было, тем более мать, когда комнату мне выбила, вообще с катушек слетела, а некоторые ее мужики начали ко мне подъезжать, фу, вспомнить мерзко...

В девятом классе у нас новенькая появилась, грузинка. Медеей ее звали. Не сказать чтобы красавица, но было в ней что-то, отличавшее от всех, теперь-то я знаю, как это называется, – аристократизм, а тогда не понимала. Но она мне ужасно понравилась. Ей в классе было одиноко, ее в штыки встретили почему-то, вот мы с нею и подружались. Это была моя первая настоящая подруга. Она меня к себе домой пригласила, я в таких домах еще не бывала. Сколько там было книг! И картин странных, Медея называла какие-то фамилии, так надо было понимать, что эти фамилии все приличные люди должны знать. Фальк, Фонвизин, Альтман... Отец Медеи был из княжеского рода, а сам известный музыкант, пианист. Я его редко видела, он постоянно уезжал, гастролировал за границей, а мама у Медеи была просто домохозяйкой, но тоже из княжеской семьи, красивая женщина, тетя Нуцико. Боже, как она готовила! Никогда раньше я ничего подобного даже не пробовала. А торты какие пекла, с ума сойти! Она ко мне хорошо относилась и даже иногда ставила в пример Медее. У них в доме уютно было, красиво и... тепло.

Я никогда так не жила, чтобы и мать, и отец, и всякие родственники... Родственников там была чертова уйма. Медея, бывало, скажет: «К нам брат приехал». Родной, спрашиваю, или двоюродный, а оказывается, вообще десятая вода на киселе – троюродной тетки пятиродный племянник. Мне это в диковинку было. И еще я поняла, что в этом доме многому научиться могу. И правда, тетя Нуца меня манерам хорошим учила, и готовить тоже, и люди к ним в дом такие интересные ходили. А еще у них запрещенные книжки бывали, и Медея мне иногда их почитать давала, взяв с меня клятву, что я никому никогда... Помню, она как-то пришла ко мне

с сумкой, полной молочных пустых бутылок. Я удивилась, обычно она пустые бутылки сдавать не ходила. А под бутылками у нее книги. Заперлись мы с ней в моей комнате, она и говорит:

– Таня, можно у тебя на денек книжки спрятать, а то к нам родственник один приехал, мама боится, что он может на папу настучать, если обнаружит эти книги, он такой, всюду свой нос сует...

– А зачем вы его пускаете?

– Понимаешь, он папиной двоюродной сестры зять, неудобно его не пустить.

– Медико, а можно я почитаю?

– Можно, конечно, но только чтобы никто не видел.

И когда она ушла, я взяла такую толстую книжку – «В круге первом» называлась. И чуть с ума не сошла, так мне она понравилась. Я над ней столько слез пролила... И потом мы с Медеей долго эту книжку обсуждали, она мне многое объяснила. И тогда казалось, что никогда в жизни книжку эту не разрешат, но прошло всего несколько лет – и ее напечатали у нас. Я вот недавно как-то увидела ее на прилавке, сразу купила! Думала, прочитаю наконец спокойно, с чувством... Но что-то не пошла она у меня. То ли просто момент такой был, то ли за эти годы я столько всего узнала, то ли запретный плод слаще кажется, но только все же что-то не то...

Но, короче говоря, школу я окончила. И решила поступать на геофак в МГУ. Но не поступила. Одного бала не добрала. В геологоразведочный тоже не попала. Расстроилась страшно. А Медея провалилась в медицинский. Она во что бы то ни стало хотела стать врачом. Но ее не приняли, и она говорила – из-за того, что она грузинка... Будто бы было негласное распоряжение грузин не брать в медицинский. Я удивилась. Что евреев не брали, я уж знала, а про грузин первый раз слышала. Но Медея была упорной и решила добиться своего во что бы то ни стало. Она с утра до ночи занималась, а я решила работу искать, очень тошно было у матери денег просить. В результате устроилась приемщицей в дом молодежной моды, при нем было ателье, вот туда меня и взяли. Работка не очень пыльная, но скучная. Зато можно было заниматься, я целыми днями с книжками просиживала, с учебниками то есть. Платили, правда, гроши, но все-таки...

Была у нас там одна клиентка, певица из Музыкального театра, ну, который имени Станиславского и Немировича-Данченко, шила у нашей главной модельерши вечерние платья. Красивая, глаз не оторвать, и пела здорово, я один раз слыхала. Но ходу ей почему-то не давали, хотя она лауреаткой была и все такое, сейчас-то она знаменитость, по всему миру поет, а тогда только начинала. Так вот, пришла однажды эта певица на примерку, а день был весенний, солнечный, сидеть за моим столом сил не было, клиентов тоже не наблюдалось, вот я и вышла на крылечко, воздухом подышать. И смотрю, выходит эта певица, спускается по ступенькам, и вдруг к ней кидается... дядя Гия, Медеев отец! Он ее целует, берет под ручку и ведет к машине, а меня не видит, конечно... Я просто обалдела! Смотрю, сели они в машину и целоваться начали. Вы даже не представляете, что я тогда почувствовала! Как же так, думаю, неужели и дядя Гия тоже обыкновенный кобель? И так мне жалко тетю Нуцу стало и почему-то стыдно перед ней. Спрашивается, мне-то чего стыдиться? А вот поди ж ты! И хотя я с самого малолетства всякого навидалась, а все же Милочка успела вбить мне в голову разные заповеди, да еще казалось, что в интеллигентных семьях такого не бывает...

Короче, дура я была непроходимая, темнота непролазная. И поговорить мне об этом не с кем было. А еще меня терзал вопрос: сказать об этом Медее или нет? Долго я мучилась, а потом решила промолчать, додумалась, что тетя Нуца, может быть, и сама все про мужа знает, а если я скажу, во-первых, выйдет донос, а что доносить стыдно, я точно знала и от Милочки, и из запрещенных книг, а во-вторых, лучше смолчать просто из жалости... Я смолчала, но с тех пор уже не могла так часто бывать в этом доме. Страдала, скучала, но смотреть в глаза тете Нуце не могла. А у Медее в тот момент роман жгучий начался, но она мне ничего не рассказывала, говорила: «Прости, Таня, я просто боюсь взглянуть, потом тебе все расскажу...»

А у самой глаза в пол-лица, сияют, и изнутри вся как будто светится. Но я почему-то боялась за нее. И совсем не завидовала. Ни чуточки! Так что она даже не заметила, что я к ним ходить перестала, не до меня ей было. Тетя Нуца как-то позвонила мне, спросила, как дела, почему не появляюсь, не заболела ли. И опять мне стыдно стало. Но я отговорилась работой, учебой, пообещала обязательно в ближайшее время прийти... И пришла... на похороны Медеи. Она с собой покончила из-за любви. Бросил ее тот тип, а она, дуручка, жизни себя лишила.

Я во всем себя обвиняла, ведь если бы я чаще с ней виделась, ходила бы к ней, может, она все рассказала бы мне и ей стало бы легче или мы бы вдвоем что-нибудь придумали... Хотя что придумаешь, если человек жить не хочет? Ну еще дядю Гию я тоже во всем винила. Но когда увидела его на кладбище, все ему простила. Он и сам как мертвый был. Тоже, небось, казнил... А через год они с тетей Нуцей из Москвы за границу уехали, и с тех пор я ничего о них не знаю. Но вспоминаю всегда с таким теплом... Золотые они люди были, несмотря ни на что. А еще я другой урок из этой истории извлекла – мужиков надо бояться и не доверять им, даже самым лучшим. Все знакомые девчонки давно уж с мужиками путались, а я все в девицах ходила. Решение приняла – пересплю только с законным мужем! А парней, которые ко мне подъезжали, шугала. И на следующий год поступила-таки в МГУ, добилась своего! И еще одно поняла – чтобы мечта исполнилась, надо потрудиться. Я, конечно, об этом знала и от Милочки, и из книг, но мне до всего надо самой дойти, только тогда я в это по-настоящему поверю...

На стипендию прожить и тогда невозможно было, а мать меня уж и кормить перестала даже. Но я не растерялась и стала подрабатывать. Я неплохо умела шить, ничего особенного, но чистенько, а в доме моды нагляделась, нахваталась и открыла, можно сказать, производство на дому. Машинка у матери была, а в восьмидесятые годы, чтоб одеться, надо было на уши встать. Я покупала платки, большие пестрые платки, и с русским узором, и с абстрактным, и шила из них что-то вроде пончо, вот берешь два платка одинаковых, уголок к уголку, и делаешь два боковых шва, а уголки оставляешь незащитыми, получается горловина, один уголок на грудь отгибается, второй на спину как воротник! Вот и вся премудрость. И шерстяные платки в дело шли, и шелковые, и таким это стало пользоваться успехом, только успевай строчить. Я недорого сбывала, но на кусок хлеба зарабатывала. Правда, своим девчонкам с геофака я не продавала, мне товар сбывать племянница соседки, тети Зины, помогала, она училась в ГИТИСе. Ну ей, конечно, процент тоже шел... Так что я была при деле.

А потом мать моя заболела и в две недели сторела. Цирроз печени. И осталась я совсем одна на белом свете. Но, между прочим, в двух комнатах! И решила сменить их на однокомнатную квартиру. Но тут тетя Зина уперлась и ни в какую. Она, оказывается, до сих пор пережить не могла, что Милочкина комната нам досталась, а не ей. А тут еще Райка, племянница, чем-то не угодила, вот она и вызверилась на нас обеих и донос написала, что мы спекулянтки, на дому мастерскую открыли, одним словом, склока коммунальная в чистом виде. Но Райка успела меня предупредить, я все платки из дому унесла, а машинка швейная старенькая, подольская, ведь не криминал. Обыска у меня, правда, не делали. Когда участковый пришел, никакой мастерской не обнаружил, а только девчонку-студентку, одинокую, хорошенькую... Он, надо сказать, был неплохой дядька, мать мою знал как облупленную и меня пожалел, не стал дела заводить, только посоветовал поменять скорее квартиру. А Зинаиде дал по мозгам. Да еще и объяснил, что я молодая-перспективная, замуж выйду, детей кучу нарожаю, так что ей покоя не будет и неизвестно ведь еще, какой муж окажется...

Знаете, я, наверное, первый раз в жизни так подробно о себе рассказываю, сама не знаю почему, но вот говорю и понимаю, сколько хороших людей на моем пути встречалось, хотя и гадов тоже хватало. Сейчас любят говорить, что у нас хороших людей не осталось, только неправда это... Просто теперь гадом быть вроде не зазорно, некоторые даже гордятся, мол, смотрите все, какой я гад. Ну да ладно. На первых порах Зина-то присмирела, а потом

стала пакостить как могла. Глупо, мелко, но жизнь мне отравляла. Я, например, наварю себе кастрюлю борща на неделю, чтоб не думать, а прихожу домой – кастрюля, чисто вымытая, на полочке стоит, как и не было борща. Я к ней, куда борщ девала, а она на меня глаза таращит, ты что, мол, какой-то борщ? Сама же вчера кастрюлю мыла, неужто не помнишь? Ну и все в таком роде, даже вспоминать смешно... Тогда я участковому пожаловалась, а он и говорит:

– Татьяна, не стану я такой хренотой заниматься, других дел по горло, ищи обмен.

Наконец нашла я обмен, две свои большие комнаты на крохотную однокомнатную сменяла, да еще и с доплатой, материно кольцо, еще моим папкой подаренное, продать пришлось. Уж как я счастлива была, не передать! Тринадцать метров комната и шесть кухни, а прихожей практически не было, но зато – сама себе хозяйка! И вот я в девятнадцать лет начала жить одна на новом месте. Близких – никого. Но мне вроде и не надо. Кругом у нас все девчонки влюблялись, а я как каменная. Но один раз позвала меня к себе на день рождения девчонка с курса. Она славная была, Сашей ее звали. Почему, думаю, не пойти? Сшила я ей в подарок пончо, красивое, клетчатое, нарядилась, глаза накрутила и пошла. Жила Сашка в хорошем доме на Сивцевом Вражке. Захожу в лифт, за мной мужчина какой-то. Спрашиваю, на какой ему этаж, оказалось, на девятый, как и мне. А он и говорит:

– Вы, девушка, случайно не к Саше на день рождения идете?

– Да, как вы догадались?

– А я ее папа.

Вдруг лифт крякнул и застрял. Намертво! И остались мы вдвоем. Я испугалась, а потом подумала: хорошо, что я тут не одна, одной страшнее было бы. Нажимает он на кнопку диспетчерской, а там глухо, никто не отзывается. Сашкин папа стучит. Зовет хоть кого, но все зря.

– Черт бы побрал эти современные лифты, – ворчит он. И продолжает стучать и кричать. Хоть бы хны. Наконец все ж таки кто-то услышал, обещал позвонить в диспетчерскую, а потом даже передал, что надо подождать, механик скоро будет.

– Ну что ж, раз такое дело, давайте знакомиться. Меня зовут Никита Алексеевич. А вас?

– Таня.

– Вы очень красивая, Таня.

Я глаза на него подняла и обомлела. Уж не знаю, как это называется, то ли любовь с первого взгляда, то ли солнечный удар, то ли сексуальный шок, если говорить современным языком, только я вдруг забыла, что передо мной отец Сашки, то есть старик по моим понятиям, иными словами, мужчина за сорок. Но какой! Высокий, широкоплечий, загорелый, глаза большие, светло-серые, с темным ободком, волосы светлые. Меня аж затрясло. Вот стыдоба, думаю, только б он ничего не заметил...

В этот момент в сумочке у Тани зазвонил мобильник. Как всегда, на самом интересном месте, с досадой подумала я.

– Алло! – закричала Таня, видимо, было плохо слышно. И заговорила по-английски.

Как ни стыдно в наше время в этом признаться, но английского я не знаю. И потому понять, о чем говорила Таня, не могла. Но, наблюдая за выражением ее лица, догадалась – она чем-то не на шутку встревожена. Наконец она отключила телефон и залпом допила стоявший перед нею бокал вина.

– Извините, – сказала она, переведя дух. – Нигде не спрячешься, везде достанут. Фу, черт, придется завтра уехать.

– Уехать? Совсем?

– Совсем. Так все складывается... А жаль, мы хорошо с вами общались... Хотя, может, я вам и надоела до смерти? А вы умеете слушать, это редко бывает. Хотите, я вам свою дочку покажу? – Она вытащила из сумочки записную книжку в кожаном переплете. Но это оказалась не книжка, а маленький, карманный фотоальбом. В нем пять фотографий. И на всех девочка лет семи, совершенно на Таню не похожая, черненькая, с черными глазами, кудрявенькая.

– Какая хорошенькая! Как ее зовут?

– Кристина. А знаете, какая она умная? У нее блестящие способности к математике.

В голосе Тани слышалась естественная материнская гордость, но и, кроме того, печаль.

– Таня, она что, живет не с вами? – осторожно спросила я.

– Как вы догадались? Да, она живет с отцом, мы редко видимся...

Судя по фону, на котором были сделаны снимки, Кристина жила в очень неплохих условиях.

– Она живет не в Москве?

– Нет, – покачала головой Таня. – В Италии. Ее отец итальянец. Вот такие дела. А можно я задам вам один вопрос?

– Конечно!

– Вы писательница?

– Откуда вы знаете? – удивилась я.

– Я слышала вашу фамилию, когда мы только приехали, а потом увидела тут у одной девочки книжку. Детский детектив. «День большого вранья». Это вы написали, да? Вы детская писательница? Интересно было бы почитать, обожаю детские книжки... Наверное, поэтому вы и слушаете так внимательно? У вас ко мне профессиональный интерес? – В голосе Тани слышался некоторый вызов.

– Понимаете, мне трудно отделить человеческий интерес от профессионального. – И я попыталась ей объяснить, что одно без другого у меня не бывает.

Она слушала рассеянно, видимо, думала о своих делах. Я замолчала. Мне безумно хотелось узнать, что же было дальше, но она явно не желала продолжать рассказ, тем более что и время уже было позднее.

– А у вас нет с собой никакой вашей книжки?

– Нет, я не думала, что это кому-то тут понадобится, – засмеялась я. – Но если вам интересно, дам вам свой телефон, приходите в гости в Москве.

– Вы серьезно?

– Ну разумеется.

– Обязательно приду.

– Таня, а что, если я использую кое-что из ваших рассказов? Я сейчас собираюсь писать новую книгу...

– Детскую?

– Да нет, взрослую.

Она задумчиво на меня посмотрела.

– А что? Пишите! Мне не жалко!

– Таня, но ведь то, что вы рассказали, только завязка для романа, а что было дальше? – взмолилась я. – Хоть вкратце, совсем схематично расскажите...

Она лукаво посмотрела на меня.

– Зачем? Дальше вы сами придумайте! Может, у вас лучше получится!

Утром она уехала. Мы сердечно простились, обменялись телефонами. Она еще потребовала, чтобы я написала названия всех моих взрослых книг.

– Обязательно куплю и прочитаю от корки до корки! – пообещала она на прощание. – Надеюсь, у вас в книгах хороший конец?

Часть вторая Любовь

Глава 1 Сашкин папа

... Вот стыдоба, думаю, только б он ничего не заметил. А у самой сердце в пятки, по спине холодный пот, ноги дрожат.

– Танечка, у вас что, клаустрофобия? Вам нехорошо? Вы что-то побледнели, – забеспокоился он.

А я обрадовалась. Какая отмазка клевая!

– Да, – шепчу еле слышно, – клаустрофобия...

– Э, да вы сейчас упадете. Держитесь за меня, вот так, не бойтесь, Танечка, нас скоро вызволят отсюда, и воздух тут проходит, видите вон ту щелку...

Он меня за плечи держит, обнимает, можно сказать, и говорит что-то ласковое, успокаивает, а я чувствую, что умираю от счастья и любви. И пахнет от него так приятно, хорошим одеколоном, немножко табаком и чуточку бензином, и руки у него такие сильные, красивые... Господи, думаю, только бы подольше тут с ним побыть.

– Ну, вам легче стало? Умница. Вот что, Таня, расскажите-ка о себе, в разговорах время быстрее пролетит. Вы что, с Сашкой вместе учитесь?

– Да.

– Геологом хотите стать?

– Да.

– Не очень подходящая профессия для женщины, я уж и Сашке говорил, но она уперлась. Упрямая, вся в меня, – смеется он. – А вы москвичка?

– Да.

– Значит, живете не в общежитии, да?

– Да.

– С родителями?

– Да. Ой, нет, я одна живу, родителей у меня нет.

– Ох, простите, я же не знал. Сашка о вас никогда не рассказывала. Вы давно дружите?

– Да нет, не очень. Я даже удивилась, когда она меня пригласила.

– Ну а парень у тебя есть? – вдруг спросил он каким-то другим голосом.

И тут я сразу поняла, что именно для этого человека себя и берегла.

– Нет, – говорю, – и не было никогда.

И осмелилась даже на него глаза поднять.

– Не верю, – говорит, – за такой красавицей парни должны табунами бегать...

– И бегают, только мне на них наплевать!

– Ух ты, как глаза-то сверкают, – улыбнулся он. – Ничего, Таня, все еще у тебя будет, и принц на белом коне. Вы же все о принце мечтаете, даже самые умные.

Тут наконец явился механик и в два счета нас освободил.

– Ну вот и кончилось наше заточение, – смеется он. – Жива?

– Жива!

Поднялись мы с ним на два пролета, он ключом дверь открывает.

– Александра, я тут твою гостью выловил! – кричит он.

– Папа, мы уж волновались! Ой, Танечка, привет!

Квартира у них большущая. Никита Алексеевич ушел куда-то. Сашка меня к гостям потащила, там много знакомых, конечно, но и незнакомые лица тоже попадались. Музыка играла, стол шикарный, но пока все вокруг толклись, не садились. Сашка мой подарок развернула, на себя надела, вроде ей понравилось. Я села в уголочек, чтобы в себя прийти, а ко мне парень какой-то сразу клеиться начал. Оказалось, Сашкин школьный приятель, на филфаке учится. Только я его в упор не вижу. И тут стало мне интересно на Сашкину мать посмотреть.

– Саш, может, помочь надо, а? Ну, на кухне там или что?

– Да нет, Танечка, все готово уже, только маму еще ждем.

– А мамы что, дома нет? – удивилась я.

– Нет, она вот-вот появится. Тань, обрати внимание вон на того парня, в синем свитере.

– А что?

– Он тебе нравится?

– Ничего, видный.

– Видный! Да он красавец настоящий, будущий киноактер, талант... Я по нему просто умираю... – шепчет Сашка.

А я сижу и думаю, что это все значит? Мы с ней сроду не откровенничали. А тут она меня мало что на день рождения пригласила, так еще и про своего парня рассказывает. Пригляделась я к нему. Ничего себе, красивый, но с Никитой Алексеевичем не сравнить. На Сашку поглядывает, улыбается ей нежненько, но и других девчонок вниманием не обделяет.

– Саш, а твои родители... они кто? – набралась я наконец то ли храбрости, то ли наглости.

– Папа у меня сценарист, а мама – киновед. Киношники, одним словом. Зато тетка у меня, сестра отца, геологиня, профессорша, такой клевый бабеч! Она в Питере живет, преподает в университете. Я по ее стопам решила пойти, меня от киношников уже тошнит.

– А парня себе киношного выбрала, – засмеялась я.

– Ну и что? Профессия одно, а любовь другое. И потом...

Но тут вдруг Сашка вскочила с воплем:

– Мама пришла, садимся за стол!

Она побежала встречать маму, а я лихорадочно соображала: Сашкина фамилия Вдовина. Значит, скорее всего Никита Алексеевич тоже Вдовин. Никита Вдовин. Никогда раньше я в кино не обращала внимания на сценаристов, но киношники вообще казались мне почти небожителями, хотя в доме Медеи я встречала и киношников.

Но вот, наконец, все собрались и уселись за большой роскошный стол. Чего там только не было... Никита Алексеевич сидел с другой стороны стола и время от времени я ловила на себе его взгляд, как мне казалось, вполне равнодушный. От этого болело сердце. А потом, примерно через час, они с женой ушли, оставив молодежь на свободе. За все время он ни разу ко мне не обратился, не улыбнулся... Что ж, все правильно, думала я. Кто я такая для него? Сопливая девчонка, сокурсница его дочери, только и всего. Но он же назвал меня красавицей... Ну и что? Просто хотел подбодрить, боялся, что я грохнусь в лифте в обморок, возись потом со мной. Тут что угодно запоешь. А как у него вдруг голос изменился, когда он спросил, есть ли у меня парень... Подумаешь, остался в закрытой кабине с молодой девчонкой, вот в штанах у него и зашевелилось... Большое дело! Такой же кобель, как и все, только что породистый... Так я себя уговаривала, полагаясь на свой богатый жизненный опыт, а сердце все равно болело, и на вечеринке этой мне быстро стало тошно. Как только родители ушли, сразу началось: потушили свет, кто-то визжит, кто-то хохочет-заливается, что-то падает... Я под шумок вышла в прихожую, ищу свой плащ, а за мной Сашка выбежала.

– Тань, ты чего? Линять надумала?

– Саш, мне пора, ехать далеко, и еще я обещала соседке с собакой погулять, она болеет...

– Ты разве с соседями живешь?

– Нет, это соседка по площадке.

– Да ладно, Тань, не вредничай, посиди еще, потом тебя кто-нибудь из ребят проводит.
– Это вряд ли, они скоро уж лыка вязать не будут и мне еще их провожать придется. Я уж поеду. Спасибо, Саш, мне у тебя понравилось. Ты тоже ко мне в гости приходи, я буду рада...

– Тань, а можно я у тебя одну вещь спрошу?

– Спрашивай!

– Тань, ты сможешь мне дать ключ от своей квартиры? Не сейчас, конечно, но вообще, в принципе?

Ах вот зачем меня позвали!

– Трахаться с этим киношником? – напрямик спросила я.

– Ну ясное дело, зачем же еще, – засмеялась она. – Так дашь или не дашь?

– Не дам! – отрезала я. – Мой дом – не бардак!

– Тань, ты чего? У нас же любовь...

– Если он тебя любит, пускай сам думает, где тебя трахнуть. Но я тебе не советую! Поматросит и бросит! Все, пока!

Я выбежала на улицу, стою, продышаться не могу от обиды и себя ругаю: дура набитая, ты что думала, тебя за красивые глаза в гости позвали ни с того ни с сего? А теперь еще и врага себе нажила и Никиту Алексеевича никогда больше не увижу... Я чуть в голос не завывала, хоть обратно беги, ключи предлагай... Но, конечно, никуда не побежала, а медленно побрела к метро. Неужто это любовь на меня свалилась, любовь с первого взгляда? А он мне в отцы годится, у него жена есть, красивая, кстати, хоть и старая, конечно. Одета, дай бог на Пасху, элегантная, ухоженная. И дом у них – полная чаша, домработница есть. Оказывается, это она стол приготовила, а я-то, дура, хотела на кухню попасть, на Сашкину мать поглядеть. Поглядела... Сашке девятнадцать стукнуло, значит, уж точно лет двадцать они с Никитой Алексеевичем женаты. Валюша, Валечка, Валентина Ивановна. Киновед. У них интересы общие, всегда есть о чем поговорить, а я? Какой ему во мне интерес? Только что я молоденькая еще, свежая, но у них в кино таких до фига и больше, и в сто раз красивее меня. Нет, Танька, ничего тебе тут не светит...

Прихожу домой – и первым делом к соседке. Я и вправду с ее собакой гуляю, пока у нее ангина. Собака красивая, породы колли, Митчеллом зовут, а сокращенно Митькой. Хожу я с Митькой по скверу и реву. Чего реву и сама не знаю, то ли от любви, то ли от обиды, но все-таки больше от любви... И от безнадёги.

Но ничего, время, как говорится, лечит. Сашка на меня вроде зла не держит, здороваётся. Я тоже здороваюсь, но стараюсь держаться подальше. Прошла, наверное, неделя, я успокоилась, даже самой смешно, какая я дура была... И вот как-то прихожу я домой поздно вечером с целой сумкой платков, мне одна женщина с фабрики их таскала по дешевке. Устала, далеко мотаться пришлось. Вот хорошо, думаю, сейчас поем – и в койку! И тут телефон звонит, а время уж двенадцатый час.

Снимаю трубку, а там молчат. Кричу:

– Алло, говорите, вас не слышно.

– Здравствуйте, Таня.

Я так и села. Сразу голос узнала, но ушам своим не поверила.

– Это кто? – спрашиваю.

– Таня, это Никита Алексеевич, мы с вами на той неделе в лифте застряли... помните?

Не сказал «Я Сашкин отец», мгновенно сообразила я, значит, с ней этот звонок не связан.

– Да, здравствуйте, – говорю, а голос какой-то деревянный, как и не мой вроде.

– Вы, наверное, удивлены, Танечка?

– Ну, вообще-то, да.

– Таня, у меня к вам предложение.

– Какое?

– Давайте встретимся, хотите завтра в кино пойти на «Покаяние», слышали про такой фильм?

– Да, конечно, слышала... – И не соврала, тогда про этот фильм все говорили, но почти никто еще не видел. – Хочу, да, спасибо.

– Но это дневной просмотр, Таня, вы сможете?

– Смогу, конечно, смогу!

Короче говоря, договорились мы встретиться в полтретьего у метро «Университет», он обещал за мной на машине заехать. Когда я трубку повесила, думала с ума сойду. Что ж это такое? И как он меня нашел? И еще как это понимать? Он меня на свидание пригласил или просто в кино? В голове туман, в сердце маета, в ногах слабость... И такая потребность хоть с кем-то поделиться, но не с кем, хоть волком вой. И вдруг я подумала, что могу позвонить Райке. Она учится в ГИТИСе на отделении музкомедии и в таких вещах, наверное, разбирается, но одно я понимала четко: называть Никиту Алексеевича я права не имею. Посмотрела на часы – без четверти двенадцать. Собралась с духом и позвонила, решив, если подойдет не Райка, брошу трубку. Но подошла Райка, и голос у нее совсем не заспанный был.

– Рай, привет, не спишь?

– Татьянка, ты? Что стряслось?

– Раечка, посоветоваться нужно. Ты сейчас говорить можешь?

– Могу, у мамы там подружки сидят, о своем о девичьем толкуют, им не до меня, так что валяй, советуйся. Втюрилась, что ли?

– Да нет, понимаешь, меня завтра один тип в кино пригласил...

– Ну так чего тут советоваться, Тань? Тип ничего себе? Кино хорошее? Так иди. Если хочешь, конечно, а не хочешь – пошли его куда подальше. В чем проблема?

– Рай, а ты смотрела «Покаяние»?

– «Покаяние»? Он тебя на «Покаяние» пригласил? Танька, беги, даже не задумывайся, все кругом про этот фильм талдычат, но никто не видел пока, но говорят, потрясающая картина, мне один парень сказал со слов своего дядьки, который какой-то чин в Министерстве культуры, что, если этот фильм разрешат, значит уже все разрешить могут... Тань, а что это у тебя такой борзый завелся? И где просмотр будет, колись? Может, и я туда протырюсь?

– Рай, я не знаю, мы просто договорились встретиться, а где, что – не знаю.

– Во сколько встречаетесь?

– Полтретьего.

– Тьфу ты черт, никак не смогу... Так кто этот тип?

– Да я и сама толком не знаю, познакомились на той неделе, я и не думала, а он вдруг звонит...

– Вдруг? А телефончик у него откуда?

– Сама не знаю, я не давала.

– Надо же, борзый какой. А сколько ему годочков? Старый небось?

– Почем я знаю, но не молоденький.

– А ты ж вроде молоденьких и не любишь?

– Райка, при чем здесь любишь, не любишь?

– Слушай, подруга, вот что... Либо колись, в чем дело, либо я пойду, а то мычишь незнамо что, правду говорить не хочешь, тебе просто поделиться охота? Вопросы не наблюдаю!

Но я уже малость пришла в себя и говорю:

– Вопрос в том, как одеваться?

– О, это уже конкретно! – засмеялась Райка. – Днем, на моднучий фильм, да еще неясно, может, и запрещенный... – задумчиво проговорила Райка, – значит, скорее всего в каком-

нибудь творческом клубе, в доме архитекторов, к примеру... Тогда надевай что угодно. Можно подумать, у тебя шкафы от туалетов ломаются. А свое пончо слабо надеть?

– Почему? Можно, я, кстати, себе черное сделала, красиво смотрится.

– Совсем черное, без рисунка?

– Ага.

– А что, идея клевая... Тань, я тоже черное хочу! Его же на что хочешь можно надеть, на любую водолазку, на блузку... Кайф! Сделаешь?

– Без вопросов!

– Тань, в таком случае еще ряд советов, бесплатно! Во-первых, сильно не малюйся, днем неприлично считается, украшений никаких, ну можно маленькие сережки и колечко скромненькое какое-нибудь...

– Рай, ты чего? Откуда у меня украшения? Одно кольцо материно было, так я его загнала, сама, что ли, не знаешь?

– Знаю, но я на всякий случай. Вдруг твой поклонник тебя уже брюликами увешал.

– Ты чего, офонарела?

– Шучу. Да, а духи у тебя какие?

– «Может быть».

– Не пойдет!

– Почему?

– Дешевка, и не модно уже, прошлый век... Слушай, если хочешь, заезжай ко мне, дам подушиться, у меня французские, «Же Озе». Но только если рано утром.

– Да нет, не надо, я лучше вовсе душиться не буду.

– Ну и правильно, пусть лучше от тебя чистотой пахнет и невинностью, ты ведь у нас еще невинная?

– Райка, кончай!

– Танька, откуда невинная девушка такие неприличные слова знает?

– Да ну тебя, Райка! Вечно ты...

– Слушай, Татьяна, это что же, большое и светлое?

– А если и так! – рассердилась я.

– Ой, Таня, расскажи!

– Нет, пока не о чем рассказывать, мы виделись один раз.

– Но потом расскажешь, после свиданки? Кстати, после фильма он вполне может тебя в ресторан пригласить, ты в ресторане когда-нибудь была?

– Конечно, сколько раз, с Медеей еще и с ее родителями, – всхлипнула я.

– Ну вот, ты расстроилась! Не смей реветь, ты должна завтра классно выглядеть. Голову обязательно помой, и еще, глаза красить умеешь? Какая у тебя тушь?

– Самая обычная, в которую плевать надо.

– Слушай сюда: ты перед тем как тушь накладывать, глаза попудри, то есть реснички, тушь наложи, дай минутку просохнуть, опять попудри и опять тушь, и так раза три-четыре, глаза такие мохнатенькие будут, он с ума спятил, твой поклонник! У тебя пудра-то есть?

– Есть, только компактная.

– Ничего, сойдет! Еще вопросы будут?

– Нет, наверное...

– Тогда, ладно, Танюшка, я спать хочу, умираю. Ни пуха ни пера!

– К черту!

Глава 2

Любовь-морковь

На лекции я, конечно, не пошла, все утро занималась собой и на всякий случай отдраила квартиру. Вдруг он пойдет меня провожать? Вернее, поедет, у него же машина, но все равно. Наконец все было убрано, но обстановка казалась такой убогой по сравнению с его квартирой, что я чуть не расплакалась и решила ни за что его сюда не пускать. А когда глаза накарсила Райкиным способом, понравилась себе ужасно. Надела черные брюки, беленькую бакинскую водолазку, черное пончо и подумала: девчонка – класс! И плевать на мебель!

К метро «Университет» я примчалась в пять минут третьего, задыхаясь от волнения. Прошлялась минут десять вокруг метро, то и дело поглядывая на часы. И вдруг меня просто загошнило. От страха, что ли? Но я тут же сообразила, что ничего сегодня не ела. Хорошенькое дело, надо срочно хоть что-то сжевать. Неподалеку продавали пирожки с мясом. Я хотела купить, но вдруг вспомнила, как одна моя знакомая отравилась такими пирожками, так что в больницу попала. Обычно меня такие рассказы не пугают, но тут одна мысль, что в разгар фильма прихватит живот, повергла меня в панику. Но голод не тетка, и я купила первую попавшуюся булку, сжевала ее, едва не подавившись. А запить было нечем. И я начала икать. Просто напасть какая-то, икаю, не могу остановиться. Смотрю на часы – половина третьего. Сейчас он подъедет, а я икаю! И тут же услышала его голос:

– Таня!

От ужаса я замерла, боясь даже обернуться. И хотела броситься наутек, но он схватил меня за руку:

– Куда?

Я ахнула и перестала икать. С перепугу! Он стоял передо мной и ласково улыбался.

– Танечка, привет!

– Здравствуйте!

– Пошли, у меня тут машина.

У него была белая «Волга», показавшаяся мне просто верхом роскоши. Он усадил меня, закрыл дверцу и сел за руль.

– Ишь как глаза наваксил, – улыбнулся он, а я залилась краской. Я чувствовала себя совершенно несчастной. – Но тебе идет, ты такая красивая, глаз не оторвать. Значит так, сейчас мы едем на просмотр, а потом посидим где-нибудь, идет? Таня, не надо меня бояться, я девочек не обижаю, честное благородное слово.

– А почему вы... почему вы...

– Хочешь спросить, почему я пригласил именно тебя?

– Да, – еле слышно пролепетала я.

– Объясняю: я этот фильм уже видел, моя жена тоже, Сашка со мной никуда ходить не желает, почему, не знаю. А мне страшно хотелось еще раз посмотреть фильм в компании непрофессионала, человека молодого, со свежими мозгами, так сказать... Вот я и вспомнил об очаровательной девушке, с которой застрял в лифте.

– А телефон... Вам Саша дала?

Он засмеялся.

– Нет, я сам нашел.

– Как это?

– Взял ее записную книжку, посмотрел на букву Т, а там один Тимур, три Тамары и всего две Тани. Но вторую Таню я знаю, это моя двоюродная сестра, так что все оказалось несложно.

Народу было видимо-невидимо, Никите Алексеевичу с трудом удалось поставить машину, и не успели мы выйти, как кто-то сразу подскочил, спросил лишний билетик. Пока мы пробивались ко входу, билетики спрашивали каждую секунду, одним словом, ажиотаж был тот еще! Никита Алексеевич взял меня за руку, как маленькую, и тащил за собой, потому что в этой толпе я спотыкалась на каблуках. Наконец мы вошли. Он то и дело с кем-то здоровался.

– Тебе перед сеансом никуда забежать не надо? – тихонько спросил он.

Я обомлела от стыда, а он говорит:

– Нечего стесняться, мы все живые люди, иди вон туда, я буду тебя ждать у той колонны. Да не задерживайся.

Я, как глупая собачонка, побежала в туалет, раз хозяин велел, но при этом я была ему безумно благодарна, мне еще в машине захотелось, но я приготовилась терпеть сколько понадобится, а он обо всем позаботился. Но с другой стороны, может, это означает, что ему на меня наплевать как на женщину, вернее, на девушку? Я так была воспитана, что при мальчиках о таких вещах говорить нельзя ни в коем случае... Но он-то не мальчик, у него такая дочь, как я, и он все понимает. А я его за это люблю больше жизни. Я вдруг так отчетливо это поняла в клубном сортире... И еще подумала: раз он так обо мне заботится, значит, тоже любит меня? Хотя за что ему меня любить? Но тут я глянула в зеркало, и мне показалось, что меня есть за что любить...

– Какая ты красивая, Таня! – сказал он, когда я подошла. – Ну, пошли. – Он взял меня под руку и повел в зал. Когда погас свет, он шепнул: – Таня, я понимаю, что ты сейчас чувствуешь, но прошу, забудь обо всем и смотри фильм, как будто меня тут нет.

У меня кровь в лицо бросилась! Ну, думаю, дела! Но я тут же решила сделать вид, что ничего не поняла, и смотреть фильм.

Ах, что это был за фильм! Я и вправду обо всем забыла. Многого, конечно, не понимала, но чувствовала – это настоящее... И еще мне безумно понравилась актриса, которая играла взрослую Кети, она была такая удивительная, элегантная, красивая, аристократичная и чем-то напоминала тетю Нуцико. Один раз она тоже испекла такой громадный красивый торт на шестнадцатилетие Медеи... У меня текли слезы и щипало глаза от туши, но я боялась вытирать лицо, чтобы не размазать тушь окончательно. Уже перед концом фильма Никита Алексеевич вдруг сунул мне в руку платок. Но я боялась шелохнуться, и, когда зажегся свет, он взял платок у меня из рук и сам вытер мне лицо. Ни слова не говоря. А потом опять взял меня за руку, чтобы я не потерялась. Люди выходили потрясенные, взволнованные. Какой-то человек, чье лицо показалось мне очень знакомым, хлопнул Никиту Алексеевича по плечу.

– Да, старичок, если это пойдет широким экраном, я уж ни за какие устои не поручусь... А это твоя дочка?

– Нет, племянница, – сухо отозвался Никита Алексеевич.

– Ах, вот как, племянница, – насмешливо повторил тот тип, – ну-ну, сделаю вид, будто поверил! Пока, приятель!

В гардеробе Никита Алексеевич подал мне пальто, это было так приятно. Когда мы сели в машину, он спросил:

– Ну как, Таня?

– Я не знаю, как сказать... Я не все поняла, наверное, но ужасно хочу посмотреть еще...

А как фамилия этой артистки, ну, которая играет Кети?

– Боцвадзе, Зейнаб Боцвадзе. Удивительно хороша. А ты всегда в кино плачешь?

– Нет, очень редко.

– Ну хватит пока об искусстве, поехали обедать. Была когда-нибудь в Доме литераторов?

– Нет.

– Довольно приличный кабак. Голодная?

– Нет, спасибо. – А у самой уж живот подвело.

– Да ладно, небось с самого утра маковой росинки во рту не было, – засмеялся он. – Танечка, не надо стесняться. В ресторан ходят, чтобы поесть. И если тебе чего-нибудь захочется, говори, не мучайся. И не красней, хотя тебе это идет. Откуда ты такая, Таня?

Мы довольно быстро добрались до улицы Воровского. Спустились в подвальчик, он помог мне снять пальто, сдал его, мы опять поднялись, прошли мимо какой-то строгой тетке за столиком, которая мило улыбнулась Никите Алексеевичу, как доброму знакомому, и вошли в зал ресторана. Там было очень красиво – обшитые деревом стены, много резьбы, лестница наверх, камин, высокое окно с цветными стеклами, и народу много, и пахнет вкусно...

Столики в основном на четыре человека или на шесть, только справа у стенки два столика на двоих, один занят, а на втором табличка «Стол заказан». Вот за этот столик он меня и усадил.

– Ой, а разве можно? – испугалась я.

– Можно, можно, это я столик заказал.

У меня сердце трепыхнулось. Надо же, для меня столик заказал! Он сам взял с соседнего столика меню и протянул мне.

– Таня, смотри на названия блюд, а не на цены, уверяю тебя, этот обед меня не разорит.

– Лучше вы сами...

– Хорошо. Давай мы с тобой немножечко выпьем за знакомство, а?

– Вы же за рулем?...

– Немножко можно. Ты что пьешь?

– Ничего не пью.

– Нет, давай по рюмочке для храбрости. Думаешь, мне не страшно с тобой, такой молодой, такой красивой, что дух захватывает?

Тут к нам наконец подошла толстая тетка в белом фартучке.

– Никита, здравствуй!

– Привет, Ритуля! Покормишь? Мы голодные жутко!

Официантка скользнула по мне взглядом и вынула из кармашка блокнот.

– А почему она вам «ты» говорит? – спросила я, когда она приняла заказ.

– Потому что я сюда еще студентом бегал, и она тогда уже работала. Красивая была, мы все за ней увивались. Что время делает с людьми...

Он замолчал. В этот момент через зал прошел высокий мужчина в невысказанно ярком свитере. Он показался мне знакомым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.